

Евгений Замятин. Русь

ОСР Кудрявцев Г.Г.

Бор – дремучий, кондовый, с берлогами медвежьими, с крепким грибным и смоляным духом, с седыми лохматыми мхами. Видал и железные шеломы княжьих дружин, и куколи скитников старой, настоящей веры, и рваные шапки Степановой вольницы, и озябшие султаны наполеоновских французишек. И – мимо, как будто и не было, и снова: синие зимние дни, шорох снеговых ломтей – сверху по сучьям вниз, ядреный морозный треск, дятел долбит; желтые, летние дни, восковые свечки в корявых зеленых руках, прозрачные медовые слезы по заскорузлым крепким стволам, кукушки считают годы.

Но вот в духоте вздулись тучи, багровой трещиной расселось небо, капнуло огнем – и закурился вековой бор, а к утру уже кругом гудят красные языки, шип, свист, треск, вой, полнеба в дыму, солнце – в крови еле видно. И что человечки с лопатами, канавками, ведрами? Нету бора, съело огнем: пни, пепел, зола. Может, распашут тут неоглядные нивы, выколосится небывалая какая-нибудь пшеница и бритые арканзасцы будут прикидывать на ладони тяжелые, как золото, зерна; может, вырастет город – звонкий, бегучий, каменный, хрустальный, железный – и со всего света, через моря и горы, будут, жужжа, слетаться сюда крылатые люди. Но не будет уж бора, синей зимней тишины и золотой летней, и только сказочники, с пестрым узорочьем присловий, расскажут о бывалом, о волках, о медведях, о важных зеленошубых столетних дедах, о Руси.

Как осташковский Нил-Столбенский-Сидящий, жил в этом бору Кустодиев, и, может быть, как к Нилу, все они приходили к нему – всякая тварь, всякое лохматое зверье, злое и ласковое, и обо всем он рассказал – на все времена: для нас, кто пять лет – сто лет – назад еще видел все это своими глазами, и для тех, крылатых, что через сто лет придут дивиться всему этому, как сказке.

Не Петровским аршином отмеренные проспекты – нет: то Петербург, Россия. А тут – Русь, узкие улочки, – вверх да вниз, чтоб было где зимой ребятам с гиком кататься на ледяшках, – переулки, тупики, палисадники, заборы, заборы. Замоскворечье со старинными, из дуба розными названьями: с Зацепой, Ордынкою, Балчугом, Шаболовкой, Бабынским городом; подмосковная Коломна с кремлевскими железными воротами, через какие князь Димитрий, благословясь, вышел на Куликово поле; "Владимиров" Ржев, с князь-Дмитриевской и князь-Федоровской стороной, может, и по сей день еще расшибающими друг дружку носы в знаменитых кулачных боях; над зеркальной Волгой – Нижний, с разливанной Макарьевской, с пароходными гонками, с стерлядями, с трактирами; и все поволжские Ярославли, Романовы, Кинешмы, Пучежи – с городским садом, дощатыми тротуарами, с бокастыми приземистыми, вкусными – как просфоры, пятиглавыми церквями; и все черноземные Ельцы, Лебедни – с конскими ярмарками, цыганами, лошадьми маклаками, нумерами для приезжающих, странниками, прозорливцами.

Это – Русь, и тут они водились недавно – тут, как я огороженной Беловежской Пуще, они еще водятся: "всехдавишь" – медведи-купцы, живые самовары-трактирщики, продувные ярославские офени, хитроглазые казанские "князья". И над всеми – красавица, настоящая красавица русская, не какая-нибудь там питерская вертунья-оса, а – как Волга: вальяжная, медленная, широкая, полногрудая, и как на Волге: свернешь от стрежня к берегу, в тень и, глядь, омут...

В городе Кустодиеве (есть даже Каинск – неужто Кустодиева нету?) прогуляйтесь – и увидите такую красавицу, Марфу – Марфу Ивановну. Кто ж родителей ее не знал: старого мучного рода, кержацких кровей, – жить бы им да жить и по сей день, если бы не поехали масленицей однажды кататься. Лошади были – не лошади: тигры, да и что греха таить – шампанского лошадям для лихости по бутылке подлили в пойло. И угодили сани с седоками и кучером – прямо в весеннюю прорубь. Добрый конец!

С той поры жила Марфа у тетки Фелицаты, игуменьи – и спела, наливалась, как на ветке пунцовый анис.

Рядом по монастырскому саду из церкви идут: Фелицата – с четками, вся в клубок и мантию от мира закована, и Марфа – круглая, крупитчатая, белая. На солнце пчелы гудят, и пахнет – не то медом, не то яблоком, не то Марфой.

– Ну что ж, Марфа – замуж-то не откладывай. Яблоко вовремя надо снимать, а то птица налетит – расклюет, долго ли до греха!